

АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

*Рекомендовано
к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р18-826-3517*

Книга «Божий инок» — это приношение Псково-Печерского монастыря дорогому старцу архимандриту Иоанну (Крестьянкину; 1910–2006). Первое издание вышло к 100-летию юбилею со дня рождения отца Иоанна в 2010 году.

Жизнь отца Иоанна, всецело преданного Божественному Промыслу, являет современному монашеству яркий пример пути ко спасению. В основу повествования легли воспоминания насельников монастыря, духовных чад и лиц, близко знавших старца. В книге использованы письма и материалы из личного архива отца Иоанна.

ИЗ НАСЛЕДИЯ
АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

Божий
ИНОК

Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь

2018

Св. Пётр - Освещенный Св. Духом

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изучение жизни прославленных Персьев подвижников благо-
приятно на окружающих их людей, представляет большой позна-
вательный интерес. Но наряду с этим, такое изучение приносит
огромнейшую духовную пользу; ведь влияние этих выдающихся
личностей на общество стаяло не ограничивается краткими перис-

...
Христианские святые воплотили в себе дух евангельского
учения, распространили вокруг себя силу и жизнь христиан-
ства, возбудили своим примером среди современни-
ков любовь к духовным подвигам, стали - скажем
для примера - Ключевского, - "для грядущих поколений не
только вечными их спутниками, даже путе-
водителями, но и твердыми их дорожке
..."

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почему появилась эта книга?

Кому она адресована?

О чем заставит задуматься?

Книга возникла из глубины благодарной памяти. Памяти об удивительном «ангеле земном и небесном человеке», иноке Божи-ем, старце, духовнике нашего Свято-Успенского Псково-Печерско-го монастыря. Памяти сердечной об отце Иоанне (Крестьянкине).

Адресована эта книга всем тем, кто пробует познать свою жизнь и, быть может, исправить ее.

Кем бы ни был наш читатель, не хотелось бы, чтобы он привычно и быстро пробежал по ее строчкам.

Попробуйте прочесть всю книгу неторопливо, возвращаясь и вчитываясь в то, что особенно тронуло сердце, или к тем местам, которые покажутся непонятными. В наш век такая неспешность очень важна, потому что надо постигать сокровенный смысл слов.

Взгляните на соседнюю страницу. Документ эпохи. Всмотритесь в него повнимательней. Надпись: «Предисловие». Плохонькая пожелтевшая бумага, «слепой» машинописный текст, который трудно читать. И все же – слово за словом – прочитайте эту страницу:

«Христианские святые воплотили в себе дух евангельского учения, распространили вокруг себя силу и жизненность христианских начал, возбуждали своим примером среди современников ревность и любовь к духовным подвигам, стали – скажем словами историка Ключевского – для грядущих поколений не просто вели-

кими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, так что целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благотворно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного». Они вышли из нас, были плоть от плоти и кость от костей наших, а поднялись на такую высоту, о которой трудно было и помыслить, чтобы она кому-нибудь из нас была доступна.

В этом именно многочисленном, как звезды небесные, «торжествующем соборе праведников» <...> люди всех званий и возрастов, всякого умственного и нравственного развития легко могут найти себе соответствующие образцы для подражания.

Но значение святых не только в том, что они оставили нам примеры для подражания, но и в том, что они являются вечно живыми членами Церкви, оказывающими нам реальную живую помощь».

Достаточно пространная цитата. Написано это было в 1947 году. Учебная работа по истории Церкви. Автор – студент 3-го курса Московской духовной академии, к тому времени уже священник, Иоанн Крестьянкин.

Вчитаемся в приведенный текст еще раз. Подумаем о сказанном... И, после размышления, позволим себе сделать такое предположение: отец Иоанн, тогда еще молодой 37-летний священник, словно написал эпитафию. Эпитафия к собственной жизни.

Угодникам Божиим часто дается такое знание о себе, пусть и опосредованно – но дается.

Курсовое сочинение священника Иоанна «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени» – это не только рассуждение о судьбах монашества и старчества, но и размышление о собственном пути, пути инока Божия.

Преподобный Серафим Саровский стал духовным маяком на дороге отца Иоанна к монашеству. Во время обучения в академии батюшка часто посещал дом своего однокурсника иерея Сергия Орлова, где в одной из комнат хозяин бережно хранил спасенные из разоренного Дивеевского монастыря святыни.

Дважды через преподобного Серафима Господь открывал священнику Иоанну волю Божию о нем. До ссылки батюшки в тюремные лагеря преподобный явился ему незримо со словами: «Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди», перед освобождением отца Иоанна из заключения святой старец Серафим предстал пред ним в видимом образе и предрек: «Будешь свободен».

Жизненный путь отца Иоанна длиною почти в столетие пролегал сквозь трагическое время, когда рушились устои былой России, особенно же – строй церковной жизни.

...Тринадцатилетний Ванюша в 1923 году оказался впервые в своей жизни в Москве. Более всего его окрылила тогда встреча в Донском монастыре со Святейшим Патриархом Тихоном и благословение, от него полученное. Благодать Патриаршего сана, благодать исповедничества живо были восчувствованы трепетной душой.

В старости отец Иоанн, вспоминая этот эпизод, всегда говорил, что «он до сих пор ощущает тепло руки Святейшего Патриарха на своей голове»...

Что услышал отрок в тот благодатный день? Какие слова отозвались в его сердце?

Читаем у Патриарха Тихона:

«На первый взгляд в речах старцев нет ничего необыкновенного. Но вы слышите проповедника, отрекшегося от мирского, кому

*Отец Иоанн
с портретом
святого Микона*

не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину.

Пред вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанной борьбой со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде, говорить ее в глаза каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний.

Пред вами говорит человек, достигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый ангелом во плоти. Ему известны все тайные изгибы души человеческой.

Слово его проникнуто духом и жизнью, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни.

Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов «учителей благих...»

Мог ли подумать тогда отрок Ваня, что эти слова Патриарха в полной мере сбудутся именно в его жизни? Что ощущало – или предощало – в тот день юное сердечко? Какой радостью необыкновенной зажегся дух его? Мог ли подросток представить тот собственный торный путь в грядущее столетие, который ему только-только предстоял? Движения сердца человеческого и помышления его суть великая тайна...

В 1945 году Святейший Патриарх Алексий I рукополагал Ивана Крестьянкина. Молодой священник задал Святейшему вопрос об ответственности священнической.

Патриарх же спросил его тогда:

– Что я дал тебе при рукоположении?

– Службник, – ответил отец Иоанн.

– Так вот, все, что там написано, – выполняй, а все, что за сим находит, – терпи. И спасешься...

Отец Иоанн прошел с Церковью и в Церкви все тяготы, выпавшие на ее долю, стал живым связующим звеном России былой и нынешней, показал путь истины в безбожном мире.

Ничто и никто не смогли поколебать или смутить души его, управляемой живой верой и в живой вере возросшей и возмужавшей.

В самые мрачные годы многострадальной России служение багюшки поддерживало свет неугасимой лампы русского старчества, восплававшей подвигами преподобных Сергия Радонежского, Павла Обнорского, Сергия Нуромского, Дионисия Глушицкого, Арсения и Корнилия Комельских, Нила Сорского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, Оптинских и Глинских старцев. Русское старчество – удивительное явление: оно предельно открыто миру, оно не замыкается в стенах монастырских келий, но служит всем страждущим деятельной любовью. У кельи русского старца собирается не только братия, но и многочисленные миряне всех сословий и званий.

Митрополит Антоний Сурожский в одной из своих проповедей сказал, что истинный монах должен «сострадать и плакать плачем всея земли», этот образ необычайно ярко раскрывает внутреннюю сущность старчества в его служении миру, недаром составитель жития преподобного Сергия блаженный Епифаний называ-

ет святого «печальником русской земли». Этот путь жертвенной любви к людям в эпоху страшных гонений на Церковь Божию прошел и старец Иоанн (Крестьянкин). Тысячи людей обращались к нему со своими скорбями, болезнями, сомнениями, и каждый получал утешение, совет и молитвенную помощь. Белый подрясник, простой крест и радостное «Христос Воскресе!» всем, каждому притекающему к старцу (и – вся Россия у двери монаха) – это описание преподобного Серафима Саровского напоминает нам о нашем современнике отце Иоанне. Непрестанное горение ко Христу, особая пасхальная радость, «дух мирен» – черты, объединяющие этих двух «старцев всяя Руси».

Плоды, созревшие на древе жизни отца Иоанна, остаются для нынешних и грядущих поколений примером истинного доверия Промыслу Божию, ведущего человека сквозь «тьнь и сень смертную» в радость Богопознания и Богообщения уже здесь, на земле.

Вышеприведенные слова легко воспринимаются православным человеком. А как же быть тем, кто еще лишь на пороге храма, но хочет познать себя – будь он молодой или убеленный сединами? В ком сердце его еще таит «бессмертья нашего залог»?

Этих наших читателей мы напутствуем словами Святейшего Патриарха Алексия II: «Познать самого себя – это уже немало. Прикоснуться к познанию тайны Церкви – это уже много. Если же человек поймет, что второе имеет отношение к первому и что духовный опыт Церкви – это не только сокровищница прошедших столетий, но прежде всего рука, протянутая не из прошлого, а из вечного к нему самому, значит, свершилось чудо. Христос тихо постучался еще в одну душу».

Приобщение к чуду мы и хотим предложить читателям нашей книги. Приобщение к великому чуду и открытию: удивительной

простоте и силе нашей жизни. Да-да, именно нашей жизни.

Но – при одном-единственном и непреклонном условии: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Краткое предисловие заключим еще одной мыслью Святейшего Патриарха Алексия II: «Православие нельзя рассказать, его можно только показать жизнью».

Жизни, каждое мгновение которой было обращено к Богу, посвящена эта книга.

Патриарх Алексий II

*От Господа стопы человека
исправляются*

*Мое монашество началось
с послушничества в шестилетнем возрасте
и до 56 лет проходило на приходе среди волнений
и забот многомятежного мира, и завершается
жизнью в сем древнем монастыре*

М 5 марта 1967 года, в день памяти святого преподобномученика Корнилия, в Псково-Печерском монастыре¹ появился новый насельник – отец Иоанн (Крестьянкин). Он был уже иеромонахом и вошел в жизнь обители так органично, что никто не заподозрил, что его монашеству нет еще и года. Старыми насельниками монастыря он был встречен как свой человек, вернувшийся из длительной командировки, с послушания. Отец Иоанн сразу стал седмичным иеромонахом.

Где и когда он прошел послушнический искуc, для многих оставалось тайной. Явно было только то, что он уже состоявшийся монах. Об этом в нем свидетельствовало очень многое. И главное – его мирный дух, ровный в настроении и невозмутимый в искушениях.

Автобиография, написанная им при поступлении, была скупой и краткой: родился, крестился, учился, работал, служил. Обращала на себя внимание только одна фраза:

«Визначення мене отпознателом не позволала мене много лет исповидати отеп, щиннаї вболю, - служебне їмму в тинє мондшеченом».

Совсем юным отроком Ваня Крестьянкин увидел Церковь и монашество поруганным, оплеванным и заушенным. В 10 лет он уже осознал и прочувствовал путь Русской Церкви на Голгофу за Христом Спасителем. Один за другим разорялись орловские монастыри. Божии пастыри, служители Христовы, шли вослед Пастыреначальника, неся свои кресты в ожидании распятия. И распятие свершалось.

Ваня застал еще Церковь в последнем свете ее былого величия. Он увидел высоту духа тех, кто были его воспитателями, кто верой и правдой служил Богу. Духом твердости, самоотречения и преданной любви к Богу и Его Церкви даже до смерти они «пополняли Небесное Отечество» новомучениками и исповедниками Российскими.

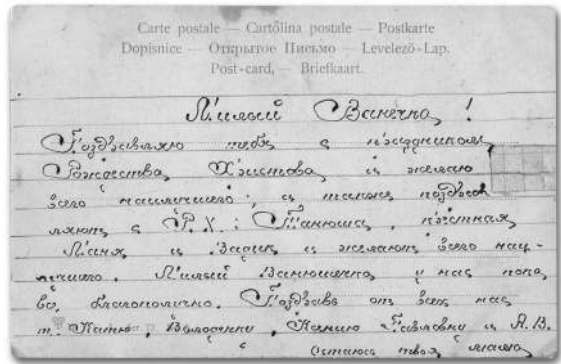
Первые, еще не осознанные, симпатии к монашеству проявились у Вани под влиянием монахинь орловской Введенской обители². Матушки были нередкими посетительницами дома Крестьянкиных. И четырехлетний младенец тянулся «к мамушкам-матушкам», веселя их обещаниями, что и он будет «монахой», и именно в их монастыре. Так были сказаны Ваней первые слова о своем монашестве. А в шесть лет, приклонившись сердцем с беззаветной и детской доверчивостью к Церкви, Ваня обрел в ней такую любовь к Богу, которая не познала ни охлаждения, ни измены за всю предлежащую ему долгую жизнь. И в этом возрасте он уже чаще и определеннее стал говорить домашним о своем будущем жизненном пути: «Я буду монахом».

Возрастные особенности этой поры – мальчишеские шалости, резвость и увлеченность открывающимся познанием жизни – остались при нем. Прислуживание же в церкви стало для него первым этапом послушничества. Он оставлял тотчас самые увлекательные занятия и друзей, когда приходской батюшка отец Николай³ звал маленького пономаря за собой.

Сам отец Иоанн позднее кратко так написал о своем монашеском пути: «Монашество – великая Божия тайна. И для тех, кто дерзает вступить в эту святую тайну и приобщиться к истинному духу иночества, на все времена сохранил Господь в писаниях опыт отцов, которые прошли этим путем в радость вечности. Мое монашество началось с послушничества в шестилетнем возрасте и до 56 лет проходило на приходе среди волнений и забот многоятежного мира, и завершается житием в сем древнем монастыре».

А до шести лет у него было благодатное детство. Детство – весна жизни, когда в юных душах засеваются будущие преподобные, будущие монахи, мужи и жены – словом, будущие наследники вечной жизни. Послушников и ослушников тоже порождает детство. Ребенок Божиим определением – это образ возрожденного в Небесное Царство: «Кто не примет Царствие Божие, как дитя, тот не войдет в него», – сказал Христос.

Именно в детстве человек приобретает все свои сокровенные черты. В лоне семьи закладываются семена, которые дадут всходы и определят, вскормят всю последующую жизнь. А мать, становясь почвой, из которой таинственно прорастет семя, дает ребенку каждую клеточку его тела, каждый росток его души. И чем возвышеннее душа матери, тем сильнее она проступает в зарождающейся личности младенца, тем сильнее ее влияние на него. Народная мудрость гласит: «Он впитал это с молоком матери». В этих привычных словах заключен важный духовный смысл. Они напоминают, что человек не самобытен, а связан со своим родом кровными узами и духовным опытом предков. И он несет ответственность за свои поступки и за внутренний духовный выбор не только пред собой, но и пред своим родом и – шире – пред всем народом. Ответственность пред будущим временным и вечным. Из родного дома, родной семьи возрастает чувство Родины.

Мама Елизавета Ильарионовна. Рождественское поздравление сыну, написанное ее рукой

Родной дом! Для Вани он был прообразом Царства Небесного, временем первых порывов детской души ко Господу и к молитве. По крупице собирал пытливый детский ум нектар в этом Царстве, где великое слово «любовь» приоткрывалось малышу и поначалу означало одно: маму, Елизавету Илларионовну Крестьянкину⁴.

Жизнью своей мама отвечала на все вопросы Вани о Боге. Бог есть Любовь. Ее же приносили с собой блаженные, юродивые и нищие, любившие дом вдовицы Елизаветы Крестьянкиной. С их приходом в доме, где крайняя скудость уживалась с изобилием тепла и радушия, словно бы оживало Евангелие – ведь к ним жаловали посланцы Господни.

Этих гостей принимали с особым радушием. Ваня раскрывал свое сердечко для их любви и дарил им все самое ценное, что было дорого ему. В них он начинал любить людей. Свет живой веры, входящий с Божиими людьми, освещал их убогий дом и детское сердечко, в ко-

тором таинственно зарождалась жизнь в Боге. Свое раннее детство отец Иоанн вспоминал и благословлял особенно. Оно дало ему и первые уроки послушания, и понятие о грехе, когда детские укоры совети за содеянное надолго лишали его радостей, а укоризненный взгляд мамочки вызывал обильные слезы раскаяния. И как следствие его духовной чуткости, появилось в нем умение видеть и слушать, умение не огорчить. Чуткость же породила в сердце мальчика и благоговение, которое в нем, уже повзрослевшем, разлилось на все сущее и стало, как и любовь, сутью его природы.

С любовью и благоговейной памятью он относил все доброе, приобретенное долгой подвижнической жизнью, тем, кто духовно родил его в Божий мир: маме, блаженным Христа ради, духовным отцам, служителям Божиим. Ибо все это было посеяно в то далекое благодатное время, когда он буквально жил в Царстве Небесном.

В семь лет для Вани кончилась безмятежная пора детства. Наступал 1917 год, судьбоносный для нашего Отечества. Надвигались невиданные потрясения и бедствия. Богу и Церкви воинствующим безбожием была объявлена война. И верующая Россия, чтобы сохранить для потомков Православие, приняла подвиг мученичества. Время это стало памятником исповеднической эпохи.

Юный послушник воочию увидел самоотверженность и искренность веры, увидел верность Богу и Церкви тех, кого он по-детски глубоко любил. Детская вера повзрослела. Одаренный от природы отзывчивым сердцем, он почувствовал, сколько горя вошло в жизнь дорогих ему людей. Чужая боль ранила его юную душу и порождала в ней сострадание, которое прижилось в сердце навсегда. Пытаясь понять происходящее, терзая душу сознанием пришедшей к людям беды, он со всей искренностью принимал на свои неокрепшие плечики скорби, обышедшие взрослых, и сам взрослел не по годам. Только церковь

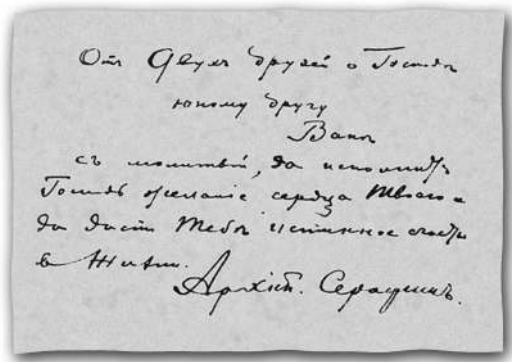
и послушания в ней сглаживали беспросветное напряжение действительности. Промыслительно совсем прекратились занятия в школе. Не до детей в это время было новому нарождающемуся в России порядку. И дал Бог Ване несколько лет самозабвенной отдачи себя ученичеству в церкви. Он стал штатным псаломщиком.

Позднее отец Иоанн, вспоминая то время, говорил, что учили его не школьные педагоги, но духовные профессора, прошедшие искус суровой жизнью – уже пять лет бесчинствовало на Руси безбожие. Прислуживание же в церкви приучало его к непринужденному и самостоятельному участию в жизни. Он полюбил храм и богослужение.

Именно с этого времени проявилась в нем, одиннадцатилетнем мальчике, верность своим наставникам и беспрекословное повиновение уставам Святой Церкви и заповедям Божиим.

В 1922 году в жизни юного послушника произошло событие, определившее его жизненный путь. Два архиерея один за другим возложили на его главу руки. Случилось это перед самым их арестом.

Для владыки Николая (Никольского)⁵, епископа Елецкого, викария Орловской епархии, это был первый арест. Епископ Николай благословлял прихожан, прощаясь с ними перед отъездом. Он еще не знал, что завтра начнется его путь по мытарствам. Он стоял на архиерейской кафедре посреди церкви в полном облачении. Последним в этом потоке людей был его посошник. На вопрос владыки: «А тебя на что благословить?» – Ваня неожиданно для себя выпалил: «На монашество!» Архиерей внимательно посмотрел на мальчика, помолчал, устремив взор в алтарь. Затем возложил руки ему на голову и произнес: «Сначала окончишь школу, поработаешь, примешь сан и послужишь, а в свое время непременно будешь монахом. Бог благословит!» Эти слова запечатлелись на скрижалях юного сердца и до конца жизни руководствовали в ней.

Архиепископ Серафим (Остроумов), епископ Николай (Никольский). Благословение на монашество юному Ване

...Архиепископу Орловскому Серафиму (Остроумову)⁶ уже третий раз предлежало сменить архиерейскую кафедру на тюремную камеру. Владыка Серафим тоже возложил на голову Вани руки, утверждая Божие благословение на его монашество. На фотографии же с изображением двух архиереев, участвовавших в этом судьбоносном благословении, он написал: «От двух друзей юному другу Ване с молитвой, да исполнит Господь желание сердца твоего и да даст тебе истинное счастье в жизни».

Позднее отец Иоанн свидетельствовал, что память об этом благословении надежно ограждала его при искушениях, неминуемо сопутствующих человеку в жизни.

В клети сердца своего он стал монахом в двенадцать лет. Но от момента, когда он будет распростерт пред Отчими объятиями, его отделял еще жизненный искуc в 44 года.

А в далеком 1922 году, когда государство разрабатывало план по уничтожению Церкви, издав святотатственный декрет по изъятию